

Проблема отношения автора и героя в философии М. М. Бахтина

Щербина Юлия Ивановна

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: juliamyth@gmail.com

Автор и герой являются центральными фигурами в философии М.М. Бахтина. В данном докладе мы выдвигаем тезис о том, что автор и герой соотносятся как Я и Другой, ведь даже сам Бахтин пишет, что «автор-творец поможет нам разобраться и в авторе-человеке» [1, с. 10]. Подобное предположение позволяет расширить проблематику автора и героя, а также углубить следующие вопросы: как автор и герой соотносятся друг с другом, как они взаимодействуют? Является ли герой автобиографичным? Растворяется ли автор в герое при написании художественной книги или сохраняет дистанцию? Ответы на эти вопросы помогут понять, как уже не в литературной, а реальной жизни автор (Я) может взаимодействовать с героем (Другой), сохраняя по отношению к нему уважение и осознание его ценности. Поскольку современные реалии ставят человека перед лицом новых проблем (среди них: элементарное непонимание между людьми, обостренное расовыми, социальными, гендерными и политическими конфликтами), философия Бахтина и, в частности, его концепция автора и героя представляется нам актуальной и важной для поиска путей выхода из сложившейся кризисной ситуации.

Проблематику автора и героя Бахтин затрагивает в нескольких своих текстах, однако наиболее полно она раскрывается в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». В ней Бахтин выделяет три способа, в рамках которых могут взаимодействовать автор и герой. Первый из них - тот, в котором герой завладевает автором. Это значит, что герой, его идеи и моральные установки, жизненные принципы и мировоззрение настолько авторитетны для автора, что он не может смотреть на мир иначе, чем глазами собственного героя. Соответственно в данном случае герой преобладает над автором и сквозит в каждом его действии. Второй способ взаимодействия - это ситуация, в которой автор завладевает своим героем. По Бахтину, такой тип взаимоотношения опасен тем, что «здесь страдает реалистическая убедительность жизненной эмоционально-волевой установки героя в событии» [1, с. 20]. Такой герой, к тому же, может быть автобиографичным, т.е. стать воплощением самого автора, утратить свою автономность: «усвоив завершающий рефлекс автора, его тотальную формирующую реакцию, герой делает ее моментом самопереживания» [1, с. 20]. Герой, таким образом, сливается с автором, его история не может быть завершена; его реакции - это реакции автора, его мысли - это мысли автора. Наконец, третий способ - это ситуация, когда герой сам является своим автором, он словно бы играет роль и предстает исключительно с эстетической стороны.

Все это приводит Бахтина к мысли о том, что эстетическое событие не может состояться при единственном участнике. Вне зависимости от того, какой из трех способов взаимодействия осуществлен в конкретном случае, участник процесса оказывается одним и единственным. Однако именно это обстоятельство и не позволяет говорить о свершившемся эстетическом событии. «Эстетическое» для Бахтина - это не просто отсылка к литературной или художественной деятельности, это отсылка к чему-то, что можно увидеть как завершённое *целое*. Бахтин пишет: «абсолютное сознание, которое не имеет ничего трансгредивного себе, ничего внаходящегося и ограничивающего извне, не может быть эстетизировано, ему можно только приобщиться, но его нельзя видеть как завершённое целое» [1, с. 22]. Таким образом, эстетическое событие возможно тогда, когда в

процессе участвуют двое, причем эти двое не сливаются один с другим, не поглощают друг друга. Плодотворное взаимодействие автора и героя возможно в том случае, если автор придерживается позиции вненаходимости.

Не зря Бахтин пишет о том, что «борьба художника и устойчивый образ героя есть в немалой степени борьба его с самим собой» [1, с. 8]. Это трудный, кропотливый процесс проживания и переработки моментов бытия героя при одновременном усилии не слиться с ним, равно как и не поддаться его влиянию. Именно точка вненаходимости автора в этом случае означает для автора, несмотря на близость его к герою, сохранение дистанции. Именно дистанция позволяет автору видеть целое героя, а не отдельные заостренные фрагменты его жизни или мировоззрения. Именно эта дистанция, вненаходимость автора своему герою, позволяет осознать, описать и сформулировать «завершающее целое героя», фон и все окружающее героя, которое не видит он сам, но которое доступно взору автора. Благодаря вненаходимости автор «находится в том невыделенном моменте его, где содержание и форма неразрывно сливаются» [2, с. 362].

Вненаходимость автора герою, таким образом, подразумевает возможность автора увидеть героя в его целостности и одновременно уникальности. Если принимать во внимание изначальный тезис о том, что автор и герой соотносятся как Я и Другой, то возникает вопрос о том, работают ли описанные для автора и героя способы взаимодействия для Я и Другого? На наш взгляд, они действительно могут работать, однако в трех описанных случаях упускается возможность диалога и, следовательно, понимания между Я и Другим. Но в случае, если между Я и Другим соблюдается некоторая дистанция (т.е. вненаходимость, позволяющая увидеть целое, а не только отдельные части Другого), общение Я и Другого становится общением двух равноценных, хоть и равнозначных субъектов. Таким образом, модели взаимодействия автора и героя одновременно могут быть проинтерпретированы как модели взаимодействия Я и Другого. Ключевую же роль в этом взаимодействии может выполнять именно позиция вненаходимости.

Источники и литература

- 1) Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. – Москва: «Искусство», 1979. С. 7 – 162.
- 2) Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. – Москва: «Искусство», 1979. С. 361 – 374.